

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

К 1150-ЛЕТИЮ
ЗАРОЖДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

10

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2012

Т. А. Матасова

**Европейский Север и Северо-Восток
в представлениях русских и итальянцев
в XIV – начале XVI в.**

*Глубина океана – страшна, немёрна,
а будет столь светла, ажно и рыбы ходящие видно.
Полуночная страна наша ширóка и дивна...
там реки рождают золотой жемчуг...
и над водами и над островами
хрустальное небо, беззакатное солнце!*
Борис Шергин

Рубеж XV–XVI вв. – переломное время в истории Старого Света. Расцвет эпохи Возрождения ознаменовался многими изменениями в экономической, политической и культурной жизни европейцев, начиная с изобретения книгопечатного станка и заканчивая открытием Америки и первым кругосветным путешествием.

В северо-восточных и северо-западных русских землях в этот период также произошли значительные перемены: формирующееся Московское государство освободилось от тяжкого ордынского ига, в основном завершился процесс складывания единого государства, произошли существенные изменения в повседневной жизни людей. Важнейшей внешнеполитической задачей московских правителей стало встраивание Русского государства в существовавшую в Европе систему международных отношений. Достижению этой цели служило и заключение брака между Иваном III и Софьей Палеолог, и привлечение итальянских мастеров на русскую службу: итальянцы в ту пору были главными проводниками ренессансной культуры по всей Европе. Итало-русские контакты в это время перешли в новую стадию, стали гораздо более интенсивными, что предопределило довольно значительные влияния двух культур друг на друга. Итальянское влияние на русскую культуру неоднократно было в центре внимания ученых¹. Вопрос о русском влиянии на итальянскую культуру в науке практически не ставился.

1 Итальянское влияние известно в церковном и гражданском строительстве, фортификации, военном деле, картографии, монетном производстве, иконописи, декоративно-прикладном искусстве, в т.ч. в ювелирном деле и лицевом шитье. Историография проблемы влияния итальянских мастеров на русскую культуру может стать предметом отдельной статьи.

Тем не менее, многие факты свидетельствуют о том, что италорусское сотрудничество не прошло бесследно и для итальянской стороны. Известно, что интерес итальянцев – «фрягов» – к восточным странам, к которым они относили и Русь, заметно возрос с середины XV в. Это было вызвано, с одной стороны, необходимостью поиска новых путей на Восток, с другой – «ренессансным», познавательным интересом к этим землям². Важным стимулом для проникновения итальянцев в эти края было и давнее стремление римских пап распространить свое влияние на далекую северную область – Русь. Многие известия о дорогах в восточные страны итальянцы (а через них и другие европейцы) получали от русских информаторов.

Важность этих сведений невозможно переоценить, так как от этого во многом зависело процветание «фряжских» земель: захваты турками в 1453 г. Константинополя, а в 1474 г. – Каффы сделали невозможной торговую деятельность итальянцев в Причерноморье. Турецкая угроза была настолько сильна, что в Риме и Венеции вынашивали мысль о привлечении к антитурецкой коалиции Московской Руси и даже Орды³. Открытие новых путей в Индию и Малакку и их монополизация португальцами также не шли на пользу экономике итальянских государств. Именно поэтому известия о новых путях на Восток, а также о других областях ойкумены, где можно добыть ценные товары, были крайне важны в Италии. Одной из таких непосредственно не освоенных «фрягами» земель был Русский Север и близкие к нему северо-восточные области, о богатствах которых они были наслышаны с XIV в.⁴.

В Русском государстве, возникшем при ограниченности многих ресурсов, также возрос интерес к богатствам северных областей, как

2 Cronia A. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova, 1958. P. 95–132.

3 Например, см.: Скржинская Е. Ч. Московская Русь и Венеция времен Ивана III // Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 180–237.

4 Именно эти земли можно условно назвать «Европейским Севером». См. об этом, напр.: Истомина Э.Г. Европейский Север: региональный подход // Отечественная история. 2009. № 3. С. 15–27. Копия итальянской грамоты 1320 г. из Северного Причерноморья, в которой впервые упоминается Новгород, а также ценные товары Русского Севера, опубликована в статье Роберто Лопеса, см.: Lopez S. R. Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi inediti // Studia Slavica Medievalia et Humanistica Riccardo Picchio dicata. Vol. 2. Roma, 1986. P. 473–474.

уже присоединенных и потому известных, так и сопредельных, о которых знали гораздо меньше. Кроме того, перед русской культурой, как и перед культурой европейской, встал «ренессансный» вопрос о границах Вселенной и возможности достижения и освоения отдаленных, полумифических земель, к которой относились и таинственные северо-восточные области⁵.

Итак, два разных общества в период динамичных изменений, вызванных внутренними процессами развития каждого из них, начали «смотреть в одну сторону», на север и северо-восток Европы. Это происходило на фоне тесных контактов между двумя культурами.

Исходя из этого, интересной перспективой для исследования может стать поиск ответа на вопрос, как соотносились представления о северных областях представителей двух культур, в первую очередь интеллектуалов: на что опиралось восприятие Севера русских и итальянцев раньше и как оно изменилось в XIV – начале XVI в. в связи с интенсификацией двусторонних контактов и другими новыми факторами. В данной статье предпринята попытка начать разработку этой многоаспектной проблемы.

5 У этой проблемы огромная историография. Нередко освоение Русского Севера и Сибири в XV–XVII вв. называют «русскими географическими открытиями» (например, см.: *Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1946; *Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 г. М., 1971; *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии. М., 1978; и др.). Этот термин стал активно употребляться в советской науке после Второй мировой войны, когда требовалось во что бы то ни стало доказать, что Россия не отставала в своем стадийном развитии от «передовых» стран Европы. Однако стоит иметь в виду некоторую искусственность этого термина применительно к русским реалиям. Бóльшая часть поморов-землепроходцев шла в дальние путешествия по холодным морям и заснеженным равнинам Арктики вовсе не «по государеву заказу» или в надежде стяжать славу первооткрывателей. Промысел рыбы и зверя – одно из немногих занятий на Русском Севере, которые позволяли выжить в его суровых условиях. Необходимо принять во внимание и огромную роль монастырской колонизации, связанной со стремлением православных отшельников к молитвенному уединению и аскетизму. Это также не сближает процесс русской колонизации Севера с Великими географическими открытиями, важной отличительной чертой которых было стремление путешественников к личному обогащению.

Результаты такого сравнения могут наглядно продемонстрировать роль и значение межкультурной коммуникации в самых разных областях, в т.ч. в области представлений об окружающем мире в масштабах европейской христианской культуры, куда с известными оговорками можно отнести Русь. Кроме того, представления о пространстве – важная составляющая мировоззрения людей. Анализ эволюции этих представлений в периоды динамичных изменений в обществе может дать результаты, важные для определения наиболее значимых черт картины мира, характерной для того или иного социума. Сравнение такого рода изменений в различных культурах в свою очередь может быть полезно при разработке вопроса о степени их близости. Следовательно, полученные данные могут несколько прояснить давно волновавший ученых вопрос о сходствах и различиях путей развития русского и европейского, в т.ч. итальянского общества⁶.

- 6 Споры о сходстве и различии путей развития России и Европы ведутся давно, причем как в конкретно-историческом, так и в историософском, а также политологическом аспектах. В исторической науке давно предпринимались попытки сравнения путей развития культуры России и Италии, России и Запада в рассматриваемую эпоху. Одной из наиболее показательных работ советского времени в этой области является книга Я. С. Лурье «Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин: Дьяк Федор Курицын». (Л., 1988). В своих суждениях, как и другие отечественные исследователи, занимавшиеся этой проблематикой (Д. С. Лихачев, Н. А. Казакова, А. А. Зимин и др.), Я. С. Лурье исходит из идеи схожести путей развития всех мировых культур. Он считает возможным вслед за Д. С. Лихачевым говорить о русском Предвозрождении. Заметим, что представление о схожести развития всех народов – отличительная черта не только марксистской науки. Так, согласно мысли авторов предисловия к известной книге М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей», автор опирается на «открытый Дж. Вико и И. Г. Гердером и разработанный А. Н. Веселовским принцип единства мировой культуры» (см.: *Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.* Новосибирск, 2006. С. 7). Так подчеркнута связь идей М. П. Алексеева с мировой историософской мыслью и достижениями отечественных ученых «старой школы» (также см.: *Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох.* СПб., 1903). В последние годы вопрос о сравнении путей развития Италии и России вновь оказался в центре внимания исследователей, в подавляющем большинстве отказавшихся от априорных тезисов о сходстве или различии двух социумов. Все чаще речь идет об изучении сходного и различного в двух культурах в их взаимном влиянии и

* * *

«Образы Севера» на Руси и в Италии и их эволюция в контексте итало-русских контактов никогда не были предметом сравнительного исследования⁷. Тем не менее, существует традиция изучения этих «образов» по отдельности.

Внимание итальянских интеллектуалов к проникновению их соотечественников в разные уголки Вселенной, в т.ч. на Север, ведет свое начало с середины XVI в. Так, гуманист Джованни Баттиста Рамузио начал составлять свою многотомную антологию «Морские и сухопутные путешествия»⁸, в которой опубликовал многие записки первопроезжцев, а также другие интересные документы, связанные с Великими географическими открытиями, в том числе с проникновением на северо-восток Европы. В это собрание он включил и свою работу «Рассуждение Дж. Б. Рамузио о торговле пряностями»⁹, в которой высказал мысль об исключительной важности освоения северных просторов России и даже Сибири.

Строго научное осмысление особенностей проникновения итальянцев на север Европы началось в XIX в., когда были систематизированы сведения об их пребывании в тех краях. В частности, были составлены перечни старинных трактатов, в которых

его противоречивости (например, см.: Россия и Италия. Вып. 1–5. М., 1993–2003; Италия и русская культура. В 2 ч. М., 2000; и др.). Свидетельством интереса к этой проблематике стала выставка в ГМИИ им. А. С. Пушкина «Россия и Италия. Сквозь века. От Джотто до Малевича» (2006 г.). При подготовке этого масштабного проекта были использованы идеи В. Н. Лазарева об общих – византийских – истоках средневекового русского и итальянского искусства. Авторы концепции выставки полагают, что *«общее византийское происхождение... образует два различных пути [курсив мой. – Т. М.]»* развития искусства – «русский» и «итальянский» (Россия–Италия. Italia–Russia. Сквозь века. От Джотто до Малевича. [Каталог выставки]. М., 2005. С. 14).

7 Здесь, тем не менее, необходимо упомянуть о научно-популярной работе замечательного автора С. Н. Маркова «Земной круг: Книга о землепроходцах и мореходах» (Марков С. Н. Избранные произведения. Т. 1. М., 1990), в которой художественно осмыслены многие факты (в т.ч. малоизвестные) взаимовлияний русской и европейской культур в области накопления географических знаний.

8 Ramusio G. B. Navigazioni e viaggi / A cura di M. Milanese. Vol. 1–6. Torino, 1978–1984.

9 Ibid. Vol. 2. Torino, 1979. P. 965–990.

речь шла о связях итальянских государств с северными державами¹⁰.

Интерес итальянцев к Европейскому Северу, в т.ч. его русским областям стал предметом научного анализа в работах итальянских ученых уже во второй половине XX в. Автор книги об итало-финских контактах в эпоху Средневековья Луиджи де Анна вписывает эти контакты в самый широкий историко-географический контекст. Возникновение интереса к Европейскому Северу он связывает в первую очередь с попытками расширения влияния римской церкви и желанием купцов получить доступ к новым природным богатствам. По его мысли, экспедициям на Север мешал присущий итальянцам страх перед этим регионом, обусловленный средневековыми христианскими представлениями о мироздании¹¹.

В известной монографии об изображениях Московии на европейских картах XVI–XVII вв. Патриция Личини также уделяет много внимания именно русским северным областям как важному объекту интереса европейцев, в т.ч. итальянцев¹².

В обширной отечественной историографии целого спектра проблем, связанных с русской колонизацией Севера в самом широком смысле, разбор которой может стать предметом отдельной статьи, выделяется несколько основных направлений. Давно замечена связь северного направления колонизации с монастырским движением, у истоков которого стоял прп. Сергей Радонежский¹³. Речь шла также об открытии новых территорий промышленниками и освоении края крестьянами¹⁴. Рассматривались и вопросы о проникновении иноземцев на Русский

10 *Ciampi S.* Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze dall'Italia colla Russia, colla Polonia ed altri parti Settentrionali. Vol. 1–3. Firenze, 1837–1842; *Amat di San Filippo P.* Biografia dei viaggiatori italiani colla bibliografia delle loro opere. Vol. 1. Roma, 1882.

11 *De Anna L.* Conoscenza e immagine della Finlandia e del Settentrione nella cultura italiana classico-medievale. Turku, 1988.

12 *Licini P.* La Moscovia rappresentata. L'immagine «capovolta» della Russia nella cartografia rinascimentale europea. Milano, 1988.

13 Например, см.: *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. М., 1997; *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Т. 2. М., 2002. С. 18–26.

14 Например, см.: *Мавродин В. В.* Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до конца XVI в. // ВИ. 1954. № 8; *Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия...; *Платонов С. Ф.* Прошлое Русского Севера. Пг., 1923.

Север¹⁵ и характере государственной политики в этом регионе¹⁶. Не осталась без внимания и проблема времени и способов проникновения сведений о северных землях от русских информаторов в Италию и другие страны Европы. Особое внимание этому сюжету уделяли М. А. Дьяконов¹⁷, М. П. Алексеев, Л. С. Берг, М. И. Белов¹⁸, Я. С. Лурье¹⁹, Д. М. Лебедев и В. А. Есаков, Б. А. Рыбаков, А. Л. Хорошкевич²⁰, О. Симчич²¹, О. Ф. Кудрявцев²², И. К. Фоменко²³ и др.

Таким образом, достижения как отечественных, так и итальянских ученых могут стать прочной основой для исследования и сравнения характерных черт русского и итальянского «образов Севера».

* * *

Античные и раннесредневековые географические трактаты были главным источником сведений итальянцев о Европейском Севере вплоть до XV в.²⁴. В итоге возникала довольно туманная картина. Согласно текстам тех позднеантичных авторов, внимание которых привлекали северные области (Помпония Мелы, Плиния Старшего и Страбона), Север – место очень холодное, не пригодное (или почти не

15 Например, см.: *Платонов С. Ф.* Иноземцы на Русском Севере в XVI–XVII вв. // *Очерки по истории колонизации Севера и Сибири.* Т. 2. Пг., 1922.

16 Например, см.: *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996.

17 *Дьяконов М. А.* История экспедиций в полярные страны. Архангельск, 1938.

18 *Белов М. И.* История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956.

19 *Лурье Я. С.* «Открытие Англии» русскими в начале XVI в. // *Географический сборник.* Вып. 3. История географических знаний и географических открытий. М.; Л., 1954. С. 185–187.

20 *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

21 *Симчич О.* Дипломатическая миссия посла Максимилиана I // *Итальянец в России XVI в.: Франческо да Колло. Доношение о Московии.* М., 1996. С. 9–18.

22 *Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост., пер., прим. О. Ф. Кудрявцева.* М., 1997; *Кудрявцев О. Ф.* «Другой мир»: Характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // *Многоликость целого: Из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сб. ст. в честь Виктора Леонидовича Малькова.* М., 2011. С. 532–535 и др.

23 *Фоменко И. К.* Скифия – Тартария – Московия – Россия: Взгляд из Европы: Россия на старинных картах. М., 2008.

24 *De Anna L.* Conoscenza... Р. 379.

пригодное) для жизни человека²⁵. Там расположены высокие Рифейские горы, за которыми находится море – «чисто умозрительная, хотя и правильная граница, обусловленная теоретическим постулатом об опоясывающем сушу океане»²⁶.

Что касается вопроса о том, обитаемы ли северные области, то господствующим было представление, идущее от Геродота, согласно которому к северу от Скифии живут воинственные людоеды-антропофаги²⁷. Однако Помпоний Мела сообщает о необитаемости областей, лежащих за Рифейскими горами, поскольку там «водятся грифы, весьма жадные и дикие животные. Они очень любят золото, которое извлекают из недр земли и с поразительным усердием обегают, создавая угрозу тем, кто находится поблизости»²⁸.

Большинство античных авторов обращает внимание на то, что северные земли отличает необычное соотношение дня и ночи. Так, Помпоний Мела утверждает, что «Солнце у них не восходит и не заходит каждый день, как у нас: оно восходит во время весеннего равноденствия и заходит во время равноденствия осеннего. Поэтому день продолжается у них шесть месяцев, и столько же месяцев тянется ночь»²⁹. С этими данными спорит Плиний: «Полгода там светло, и солнце прячется всего на один день, а не на время между весенним и осенним равноденствием, как полагают несведущие люди»³⁰.

Согласно выводам А. В. Подосинова, от этих известий, т. е. с I в. н. э., «берут свое начало наиболее распространенные, традиционные и общие представления о севере Восточной Европы в раннесредневековой [и вообще средневековой. – Т. М.] латинской письменности... В свою очередь, большинство представлений о Восточной Европе и ее

25 Например, у Геродота есть известие о том, что в области, которая находится выше северного Причерноморья, «всегда идет снег, летом, естественно, меньше, чем зимой» (см.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота.* М., 1982. С. 111). Помпоний Мела пишет о северных областях: «Ближайшие к Рифейским горам места... непроходимы из-за беспрестанно падающего снега...» (см.: *Античная география / Ред. М. С. Боднарский.* М., 1953. С. 199). Плиний Старший пишет о «ледяном Аквилоне», т. е. Севере (Там же. С. 249).

26 *Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции.* М., 2002. С. 29.

27 *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы...* С. 140–143.

28 *Античная география.* С. 199.

29 Там же. С. 225.

30 Там же. С. 249.

севере были заимствованы Мелой и Плинием у древнегреческих географов, начиная с Геродота. Таким образом, авторы IV–VI вв., сами того не осознавая, передавали информацию более чем девятивековой давности»³¹.

Для античной географической традиции было характерно также представление о том, что за неприветливыми северными, «борейскими» областями лежит благодатная страна гиперборейцев (т. е. людей, живущих «за бореем»). «Жители этой земли – справедливейшие люди, живут они дольше и счастливее, чем другие смертные. Постоянно наслаждаясь веселым досугом, они не знают ни войн, ни раздоров»³². «Гиперборейцы живут в рощах и лесах... Умирают они только тогда, когда устают жить...»³³. Однако эти предположения античных авторов не нашли такой же поддержки и развития в трактатах средневековых мыслителей, как известия о неприветливости этих краев.

В эпоху расцвета Средневековья в Италии формируется своего рода «миф о Севере»³⁴, основанный на негативных и довольно абстрактных представлениях о тех землях. Итальянские интеллектуалы XIII–XIV вв., начиная с Брунетто Латини и Боно Джамбони и заканчивая Петраркой и Данте, считали северные области территорией холода и мрака³⁵. Даже Фацио дельи Умберти, который, в сравнении с другими авторами, уделил образу Севера довольно много внимания, считает главными характеристиками этого края мрачность и пустыньность, порождающие страх³⁶. Эти взгляды были в русле восприятия северо-восточных земель интеллектуалами других стран Европы³⁷.

В этой связи интересен справедливый вывод О. Ф. Кудрявцева о том, что важной особенностью представлений о русских в средневе-

31 Подосинов А. В. Средневековая Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 227.

32 Античная география. С. 225.

33 Там же. С. 249.

34 *De Anna L. Conoscenza...* P. 380.

35 Так, Брунетто Латини писал о вечном льде и зимней тьме, о «вязком» ото льда море и т.д. Якопо Алигьери также полагал обширные ледяные покровы главной чертой севера... Данте и Петрарка не осведомлены о таких подробностях, но и они опираются на античные представления о Севере как об области «крайсветной». См.: *De Anna L. Conoscenza...* P. 293–295.

36 Фацио пишет «об отдаленном ледяном океане», «о страшном месте – пустынном и темном». См.: *De Anna L. Conoscenza...* P. 302.

37 *Фоменко И. К.* Скифия – Тартария – Московия – Россия... С. 98–99.

ковой Европе было объяснение их «варварства» тем, что территории, которые они населяют, расположены близко к страшным северным областям. «Приписываемое русским варварство, то есть отсутствие устойчивых норм гражданской жизни и нравственности, и все сопутствующие этому качества дикости, жестокости, бесчеловечности, вероломства и т.п. считались своего рода закономерными особенностями их природы, обусловленными их северным происхождением. В глазах латинского Запада русские представляли другую, северную расу, в силу неразвитости ума и прочих способностей чуждую цивилизации и культуре, враждебную истинной вере»³⁸.

Вероятно, такая избирательность в заимствовании античных сведений средневековыми книжниками обусловлена двумя причинами: во-первых, скепсисом ряда самих античных авторов относительно известий о благодатной земле гиперборейцев³⁹, а во-вторых, несоответствием этих известий библейской оценке северных областей, наиболее ярко выраженной в книге пророка Иереми: «от севера откроется бедствие на обитателей сей земли» (Иер., 1:14). Библия была главным авторитетом для средневековых интеллектуалов, в ней они искали ответы на любые вопросы, поэтому из античного наследия выбиралось в первую очередь то, что находило соответствия в тексте Священного Писания.

Вообще, как для европейских, так и русских представлений о мироздании эпохи Средневековья было характерно подобное «ветхозаветное» разделение земель на «богоизбранные», благодатные, и «богооставленные», демонические. Именно поэтому как для Руси, так и для Европы благочестивое путешествие – это только паломничество. Путешествия же в нехристианские или католические страны с любыми целями кроме миссионерских рассматривались как опасные для души и даже недостойные доброго христианина. Как пока-

38 Кудрявцев О. Ф. «Другой мир»... С. 535.

39 Сомнения в существовании этих благоприятных для жизни человека областей высказывал еще Геродот: «О гиперборейских людях не рассказывают ни скифы и никто другой из живущих в тех краях, кроме исседонов...» (см.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы... С. 112 и комм. 272 на с. 265). Плиний Старший предварил свой рассказ об этих благодатных областях фразой «если можно поверить» (см.: Античная география. С. 249). Страбон же вообще подчеркнул отсутствие достоверных знаний о Севере. См.: Страбон. География в 17 книгах / Пер., вступ. ст. и комм. Г. А. Стратановского. М., 2004. С. 182.

зал Ю. М. отман, для культуры Средневековья характерна оценка перемещения в пространстве с религиозно-нравственной точки зрения⁴⁰. Подобное восприятие было обусловлено разделением мира на христианский – «свой» и безопасный – и нехристианский – «чужой» и враждебный. Эти взгляды развил А. Я. Гуревич⁴¹. По словам Б. А. Успенского, «в древнерусской культуре пространство [также. – Т. М.] воспринималось в ценностных категориях: те или иные земли расценивались как чистые и нечистые, праведные и грешные»⁴².

На Руси долгое время не были знакомы с текстами античных и раннесредневековых географов. Однако книга пророка Иеремии и присутствующая в ней оценка северных областей, несомненно, была хорошо известна русским книжникам⁴³. В получившем широкое распространение на Руси «Откровении Мефодия Патарского», географические данные которого соответствуют античным и наследовавшим им раннесредневековым христианским представлениям о Севере, также присутствует негативный образ этих мест. Согласно «Откровению», северные области – это место обитания «нечистых народов», запертых в горах Александром Македонским, которые неминуемо обрушатся на христианский мир «к кончине века»⁴⁴. Автор известия 1096 г. Повести временных лет о походе людей новгородца Гюряты Роговича «въ Печеру и въ Угру» в трактовке новой информации о северо-восточных областях, получен-

40 *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 181. Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. С. 211.

41 *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. СПб., 2007. С. 24–43, 52–86; *Он же.* Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам. VIII. К 70-летию акад. Д. С. Лихачева. Тарту, 1977.

42 *Успенский Б. А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 254.

43 Об особом значении книги пророка Иеремии в русской общественной мысли с XIII в. см., напр.: *Лаушкин А. В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Вып. 10. М., 2002. С. 212.

44 Мефодий Патарский рисует ужасающую картину: «Ибо люди, шедшие с севера, есть начнут плоть человеческую и кровь [людей] пить как воду...» (см.: Апокрифы Древней Руси: тексты и исследования / Под ред. В. В. Милькова. М., 1997. С. 25).

ной от первопроходцев о людях, которые «секут гору хотяще просечися», прямо ссылается на авторитет Мефодия Патарского: «се суть людье заклеплене Олександромъ Макидонскомъ царемъ, якоже сказа о нихъ Мефедии Патариискъ»⁴⁵.

Однако из этого же известия мы узнаем о стремлении новгородцев проникнуть в северные и северо-восточные области с целью получить доступ к богатствам тех краев. В течение XII–XIV вв. новгородцы в промысловом отношении достаточно хорошо освоили эти земли⁴⁶. Во многих новгородских грамотах начиная с середины XIII в. перечисляются «волости новгородские», среди которых упоминаются Заволочье, «Колопърьмь», «Търе» (Терский берег Белого моря), «Пърьмь», «Печера», Югра⁴⁷.

Пушнина, рыба, «заморная кость» – бивень мамонта, «рыбий зуб» – моржовый клык из «волостей новгородских», несомненно, присутствовали на городских торжищах и оттуда распространялись по всей Руси. Как известно, предприимчивые генуэзцы из колоний Республики в Северном Причерноморье стремились как можно шире освоить русский рынок. Сохранилась копия «фряжского» документа, датированного 3 апреля 1320 г., в котором впервые упоминается Новгород, вернее, новгородская монета («argenti boni fini Novogardi»). Именно ею некто Джаннотто Гизольфи – «посланник, должностное лицо администрации города (sindaco) и глашатай коммуны Каффы» – должен был расплатиться за ценные северные товары⁴⁸. Из документа следует, что он «должен был передать некоему Доменико Бестаньо 47 беличьих „булгарских“ шкурок (речь идет о Волжской Булгарии, а не о той, что на Балканах)»⁴⁹.

Здесь требуют пояснения загадочные «булгарские шкурки» – «pelli di vaio bulgaro». Это действительно могли быть шкурки, привезенные из средневожских владений Орды: земли Булгарского улуса простирались достаточно далеко на север, до р. Камы. Тем не менее, есть основания полагать, что в данном случае генуэзцы, а вслед за ними и публикатор источника Роберто Лопес, неверно передали слово «бурый», и к Булгару эти товары не имеют никакого отношения. Подобная путаница, основанная на созвучии, нередко встречается при передаче реалий одной культуры представителями другой. Кроме

45 ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 225.

46 См., напр.: *Мавродин В. В.* Русское полярное мореходство... С. 96–100.

47 ГВНП. С. 7, 11, 12, 17, 22, 27 и др.

48 *Lopez S. R.* Nelle terre dell'Orda d'Oro... P. 473.

49 *Ibid.* P. 468, 473.

того, едва ли правителям Булгара нужно было платить именно новгородскими деньгами. Впрочем, речь могла идти и просто о юфти⁵⁰.

В любом случае, содержание этого письма свидетельствует о том, что итальянские купцы из колоний Северного Причерноморья уже в первой половине XIV в. имели некоторое представление о северных диковинах и какой-то их связи с Новгородом, будь то непосредственный источник пушнины или просто крупный торговый центр со своей монетой, которой платят за северные диковины.

Возвращаясь к русскому «образу Севера», можно, однако, предположить, что знакомство с северными и северо-восточными областями отважных новгородцев обогатило, но в целом не повлияло на изменение образа Севера. В XIV в. новгородский архиепископ Василий Калика в послании архиепископу тверскому Федору Доброму о Рае выразит, вероятно, преобладающее негативное мнение о северных, в частности, прибрежных областях, где властвует «червь неусыпающий, и скрежет зубный, и река молненная Моргъ, и что вода входит въ преисподняя...»⁵¹. Василий Калика уподобляет Север аду⁵². Тем не менее, новгородский епископ, ссылаясь на авторитет Иоанна Златоуста, еще более определенно указывает место «мук»: «О тех двою месту великий Иванъ Златаустый рече: „Насади Богъ Рай на вѣстоце, на западе – муки уготова...“»⁵³. Существование обоих предположений в сознании Василия Калики говорит о неопределенности в локализации ада среди русских экзегетов, а следовательно, о довольно отвлеченных представлениях о Севере и даже о некоторой неуверенности в демонической природе северных территорий.

Для понимания символического значения сторон света интересна рассказанная Василием Каликой история о двух новгородцах, Моиславе и Якове, нашедших «место святого Рая». Во время их путешествия по северному (Белому? Балтийскому?) морю корабли застигла буря, и один из кораблей был вынесен к высоким горам. «И ведеша на горе то написан Деиисусъ лазорем чюдным и велми издивлень, паче меры, яко не чловечьскыма рукама творен, но Божию благодатью. И свет бысть в месте томъ самосияненъ, яко не мочи чловеку

50 Зорько Г. Ф., Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Большой итальянско-русский словарь. М., 2002. С. 119.

51 ПЛДР. XIV – первая половина XV в. М., 1981. С. 44.

52 См.: Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютон-вилл, 1993. С. 31.

53 ПЛДР. XIV – первая половина XV в. С. 44.

исповедати. И пребыша долго время на месте том, а солнце не виде, но свет бысть многочасътный, светлуяся паче солнца»⁵⁴.

Конечно, в столь красочном описании божественного света чувствуется влияние традиций исихазма⁵⁵. Вместе с тем здесь можно заметить и некоторую схожесть представлений о дивном свете на Севере с известиями Плиния Старшего, согласно мнению которого, солнце там заходит за горизонт только на один день. Сам по себе сюжет «блуждания» в загадочном и неизвестном северном море ведет свое начало с рассказа из второй книги «Географии» Помпония Мелы. В ней речь идет об индийских купцах, корабль которых был принесен ветром к балтийским берегам. Конечно, известия античных авторов были переработаны Исидором Севильским и другими христианами – как европейскими, так и византийскими – космографами. И все же в знаменитой «Космографии» гуманиста Энея Сильвия Пикколомини, будущего римского папы Пия II (1458–1464), также встречается эпизод, взятый из средневекового источника, согласно которому «во времена германских императоров был пригнан бурей к германским берегам [берегам Балтийского моря. – Т. М.] индейский корабль и индейские торговцы. Гонимые неблагоприятным ветром, они прибыли с Востока...»⁵⁶. Возможно, эти раннесредневековые известия каким-то образом попали на Русь и были известны книжникам. Время и способ проникновения этих известий еще предстоит выяснить, однако на данном этапе можно заметить известную близость, по крайней мере внешнюю, книжной традиции на Руси и в Европе.

Поиски местонахождения земного Рая были одним из любимых занятий средневековых экзегетов⁵⁷. И хотя все средневековые интел-

54 Там же. С. 45.

55 Рассматривая «Послание о Рае» в контексте учения Григория Паламы как учения о способах познания мира, И. В. Дергачева и Т. В. Морелло пришли к любопытным выводам о значении исихазма. См.: *Морелло Т. В., Дергачева И. В. Некоторые философские аспекты «Послания о Рае» Василия Калики Федору Доброму // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 691–964.*

56 Перевод дан по кн.: Путешествие А. Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. Ч. 1. СПб., 1881. С. 50–51 (В примечании 3 на с. 50 дана ссылка: «Пий II. *Cosmographia in Asiae et Europae eleganti descriptione etc.* Paris, 1509. P. 2»).

57 См.: *Лучицкая С. И. Земной рай // Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. М., 2007. С. 175–178. О произведениях древнерусской литературы, связанных с локализацией земного Рая например, см.: Апокрифы Древней Руси... О русской средневековой космологии в самом*

лектуалы знали, что «насадил Господь Бог Рай в Эдеме на Востоке...» (Быт., 2: 8), в Европе существовало мнение, что Эдем следует искать не в Святой Земле, а на северо-востоке, за таинственными Рифейскими, «Гиперборейскими» горами, о которых писали античные авторы. Это мнение подтверждали известные в ту пору суждения Эмпедокла о четырех стихиях: огне, воде, земле и воздухе. Согласно его концепции, в основе которой лежит идея равновесия, сразу за холодной, негостеприимной северной зоной должна находиться теплая зона, где царят благоденствие и гармония⁵⁸. В русле «райской образности» порой трактовались и казавшиеся чудесными известия о северном сиянии⁵⁹. Интересно в связи с этим наблюдение И. К. Фоменко, заметившего явное несоответствие в представлениях европейцев о северных и северо-восточных областях: «как бы ни была Россия далека от цивилизованного мира, большинство западноевропейских карт имеют восточную ориентацию, а значит, границы гиперборейской Московии находятся близ Рая земного!»⁶⁰.

Таким образом, мы можем выделить некоторые общие черты в восприятии северных областей русскими и итальянцами XI – начала XIV в. Обе культуры опираются в своих знаниях о Севере в первую очередь на книжную традицию, которая формировала достаточно отвлеченное представление о тех краях. «От античных текстов и средневековой графики веет неизвестностью и тревогой»⁶¹. Однако некоторые теоретические построения античных и средневековых интеллектуалов давали итальянцам почву для мечтаний о тайнах северных земель. На Руси книжники также размышляли о загадках, которые таит Север. Сведения о природных богатствах тех мест, полученные из промысловой практики, тоже порождали известную неоднозначность «образа Севера». Так в обеих культурах постепенно складывалось двойственное, но все же преимущественно негативное представление о Севере.

широком смысле см.: Космологические произведения в книжности Древней Руси / Ред. В. В. Мильков, С. М. Полянский. Ч. 1. Тексты геоцентрической традиции. СПб., 2008; Ч. 2. Тексты плоскостно-комарной и других космологических традиций. СПб., 2009.

58 См.: *Licini P. La Moscovia rappresentata...* Р. 10. Однако при всех разногласиях в христианской традиции преобладала все же «восточная» локализация Рая.

59 *Ibid.* Р. 29.

60 *Фоменко И. К. Скифия – Тартария – Московия – Россия...* С. 102.

61 Там же. С. 7.

* * *

Важной вехой в истории проникновения на Север для русских стал рубеж XIV–XV вв.

В это время на Руси начался активный процесс монастырской и крестьянской колонизации северных областей: была учреждена Пермская епархия (1383), чуть позже были основаны Кирилло-Белозерский (1397), Соловецкий (1434/35), Александро-Ошевенский (1460-е гг.) и многие другие монастыри. Несмотря на то, что монахи-отшельники стремились к молитвенному уединению, вокруг пустыней стали возникать крестьянские поселения. «Движение пустынных монастырей есть движение будущих сельских приходо...»⁶², – писал В. О. Ключевский. Северные крестьяне не только обрабатывали землю, но также занимались сбором меда, грибов и ягод, а также промыслом пушного зверя и рыбы, а если речь шла о прибрежных территориях, то и промыслом морского зверя. Это были уже не экспедиции бесстрашных новгородских «ушкуйников», снаряжавшиеся от случая к случаю нередко по заказу влиятельных новгородских бояр или купцов⁶³, а постепенно складывавшийся особый тип хозяйства.

Московские правители довольно рано осознали значение Севера для развития государства как с хозяйственной, так и с военно-стратегической точки зрения. Великий князь Иван III в северном направлении внутренней политики не ограничился присоединением Новгорода и всех его северных и северо-восточных «волостей». Он предпринял ряд походов на Вятку (1489), в Пермь Великую (1472) и в Югру (1465, 1499) с целью окончательного покорения этих земель.

Заметим, что эти великокняжеские инициативы начались скорее после освящения этих краев подвигом русских святых: миссионерской деятельностью святителя Стефана Пермского, а также «иноческим деланием» прп. Кирилла Белозерского, Дионисия Глушицкого, Павла Обнорского, Александра Ошевенского, Сергия и Германа Валаамских, Зосимы и Савватия Соловецких... Не было еще Югорских и Вятских святых: судя по сохранившимся данным, на Вятке активное распространение христианства началось только после проникновения туда московских ратей⁶⁴. И все же к рубежу XV–XVI вв.

62 Ключевский В. О. Курс... Т. 2. С. 25.

63 Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера... С. 10–18.

64 Тарасов А. Е. Епархиальное подчинение Вятки в древнейший период: К постановке проблемы // Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии). Киров, 2007. С. 40–47.

русским книжникам – идеологам великокняжеской политики – стало ясно, что язычники, населяющие эти «крайсветные» области, *могут* обратиться ко Христу. Следовательно, эсхатологические страхи, ярким проявлением которых была летописная трактовка известий о Югорской земле 1096 г., уже не были доминирующим фактором, влиявшим на образ Севера. Впрочем, статья с этим пассажем вошла в состав летописных сводов XIV–XVI вв., что говорит о том, что эти представления далеко еще не были изжиты. И все же ситуация существенно изменилась. Об этом свидетельствует появление в первой трети XVI в. Послания Максима Грека юноше Михаилу Васильевичу Шуйскому, в котором разъяснена история, связанная со святым мучеником Христофором – кинокефалом, который таинственным образом, «Божиимъ непостижимымъ судомъ просветився и позналь таинство благоверия...»⁶⁵.

На смену старым «книжным» представлениям относительно природы дальних северо-восточных народов, отраженным в известии 1096 г., пришли новые данные, причудливо соединившиеся со старыми. Они отражены, прежде всего, в «Сказании о человецех незнаемых в восточной стороне»⁶⁶. В этом сочинении повествуется о разных «дивиих людях»⁶⁷, живущих на северо-востоке. Их облику присущи как антропоморфные, так и зооморфные черты. Например, есть «по пуп люди мохнатые до долу, а от пупа вверху яко же и прочии человеци»⁶⁸, есть и такие, кто «по обычаю человеци, но без глав, рты у них межи плечами, а очи в грудех»⁶⁹ или кто «пьет человечесю кровь и всякую»⁷⁰...

Эти необычные описания не раз привлекали внимание исследователей. Д. Н. Анучин придерживался мнения о том, что это сочинение представляет собой часть купеческого дорожника-путеводителя

65 Сочинения Максима Грека. Ч. 2. Казань, 1860. С. 421.

66 Об этом интереснейшем памятнике древнерусской письменности см.: *Анучин Д. Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // *Древности. Труды Московского археологического общества.* Т. 14. М., 1890. С. 227–313; *Плигузов А. И.* Первые русские описания Сибирской земли // *ВИ.* 1987. № 5. С. 37–50; *Он же.* Текст-кентавр...; *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008. С. 57–66.

67 В начале XV в. на Руси появляется и достаточно широко распространяется перевод сербской «Александрии», в котором есть подробные сведения о «дивиих людях».

68 *Анучин Д. Н.* К истории... С. 231.

69 Там же. С. 233.

70 Там же. С. 235.

по приобретению северных товаров у «самоедов», составленного на основе как личных наблюдений «писателя-торговца», так и литературных сведений из «Александрии» и других источников⁷¹. А. И. Плигузов полагал, что «статья „О неизвестных человецах“ – собрание экзотических образов христианской космологической литературы и фольклора – угро-финского и русского»⁷². В любом случае, происхождение рассказов о «дивных людях» очевидно: речь шла все о тех же «монстрах на краю ойкумены... Эти книжные по происхождению мотивы продолжали свою жизнь в фольклоре, распространяясь вместе с русскими поселенцами в Сибири вплоть до Дальнего Востока»⁷³. Русские люди объясняли чудовищный облик неизвестных народов совершенными прегрешениями: «они несут на себе печать Божьего наказания, в то же время у них, как у святого Христофора-кинокефала, остается возможность быть причисленными к человеческому роду»⁷⁴. Так в начале XVI в. происходит переосмысление образа загадочных «псеглавцев», наделенных, согласно традиционным представлениям, «таинственной и страшной силой»⁷⁵.

Таким образом, со времен Ивана III и его северных походов «человеци неизвестные» больше не являются для русских книжников (и путешественников) только орудиями Божьего гнева, который обрушится на людей «к кончине века». Их уродство объясняется наказанием за грехи. Изначально они – такие же люди, как и христиане.

Здесь уместно привести замечание методологического характера, сделанное А. М. Ранчиным. Рассуждая об особенностях описания западных земель в «Хожениях» на Ферраро-Флорентийский собор, ученый заметил, что к середине XV столетия факты уже не всегда укладываются в четкую теорию Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о разделении в сознании древнерусского книжника земель на «праведные» и «грешные». Так, в описаниях «латинских» стран нет их четких негативных характеристик, а это означает, что несправедливость веры к середине XV столетия вовсе не тождественна нечисто-

71 Там же. С. 240–241, 313.

72 Плигузов А. И. Текст-кентавр... С. 43.

73 Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность... С. 60–61.

74 Белова О. В. Представления о монстрах-полулюдях в народной традиции славян // Миф в культуре: человек – не человек. М., 2000. С. 54.

75 Максимов Е. Н. Образ Христофора-кинокефала // Древний Восток. Сб. 1. К 70-летию акад. М. А. Коростовцева / Отв. ред. И. С. Каценельсон. М., 1975. С. 85.

те земель⁷⁶. Как видим, в случае с восприятием северных земель и народов на материале конца XV в. мысль о нечеткой границе между «праведными» и «грешными» областями находит яркое подтверждение.

Постепенное изменение мрачного, пугающего образа Севера отразилось и в житийной литературе. Автор Первоначальной редакции жития Зосимы и Савватия (рубеж XV–XVI вв.) так описывает Соловецкий остров: «Островъ же тѣи дресвы различными цветяше, и борием верси горами покровени, и всяко древо имаше, ягодица много-разны бяху, и сосния превеликы съделанию храмов и на вся потребы благостройныа бяху. Есть же добръ и благоугодень к сожитию чело-вечства по всему, во иже пребывати тамо»⁷⁷. Северный остров здесь представлен местом, будто специально созданным Творцом для молитвенного уединения и стяжания Божией благодати. Оставив в стороне спорные вопросы, связанные с происхождением Первоначальной редакции Жития, отметим, что здесь использован уже известный нам мотив благодатной земли на далеком Севере, отделенной от ойкумены водным пространством и защищенной от северного ветра горами. Вероятно, здесь нашли отражение и античные и византийские идеи о мироздании, и славянские и финно-угорские представления об особой природе островов как таковых⁷⁸.

Тем не менее, в той же редакции Жития содержится и известие о реакции новгородского архиепископа Ионы на информацию о том, что «во отце окяна моря» поселились иноки. Архиепископ вопрошает: «Где селико вдалье от людеи, да кто может тамо быти; бе бо тамо приближишеса Мурманскыи земли и Кааньской. Како церкви тамо быти?», – и философски заключает: «Вся суть возможна от Бога. Аще чего хочеть Богъ, то вся сиа будетъ»⁷⁹. Размышляя о возмож-

76 *Ранчин А. М.* Описания западных земель в «Хожениях» на Ферраро-Флорентийский собор // Древняя Русь и Запад: Книга резюме / Отв. ред. В. М. Кириллин. М., 1996. С. 112–116.

77 *Минева С. В.* Рукописная традиция жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 2. Тексты. М., 2001. С. 10.

78 С. В. Морозов писал: «В сознании наших предков еще с дохристианских времен прочно утвердилась вера в то, что человек, достигнув удаленных островов, обретает возможность перехода в иное качество». См.: *Морозов С. В.* Постижение Соловков. М., 2004. С. 17. Об особой природе островного пространства см. также: *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 5.

79 *Минева С. В.* Рукописная традиция... Т. 2. С. 24.

ностях «иноческого делания» на далеком острове, достичь которого можно лишь совершив опасное путешествие по водам «Дышучего моря», новгородский владыка вспомнил о близости к Северу враждебных народов. Однако, возможно, на память ему пришли и слова Евангелия, где Христос своей Божественной силой прекращает бурю на Галилейском море: «И восстав запрети ветру и рече морю: молчи, престани. И оулеже ветеръ, и бысть тишина велия» (Мк., 4: 41) Этому сюжету вторят слова 88 псалма: «Силен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе. Ты владычествуеши державою морскою, возмущение же волн его Ты укрочаеши» (Пс. 88: 9–10). В этих библейских цитатах отмечена опасность морских путешествий, однако подчеркнута и возможность преодоления с Божьей помощью враждебных водных пространств.

Эпизод с архиепископом Ионой в контексте освоения Севера прекрасно иллюстрирует одну из главных особенностей древнерусской гносеологии: познание мира и природы в самом широком смысле до конца невозможно, поскольку человек не может постичь во всей полноте божественный замысел. Одновременно познание мира было неотделимо от богопознания и уверенности в любви Творца к людям и веры в Его помощь. Так, Н. К. Гаврюшин, рассматривая древнерусский трактат о «поновлении стихий», в котором особенности природных явлений описаны с помощью математических построений, приходит к выводу, что «четкость и изящество изложения математической стороны вопроса сочетается в ней [в статье о «поновлении стихий». – Т. М.] с ясно выраженным пониманием ограниченности методов математического познания»⁸⁰. Приведем цитату из опубликованного Н. К. Гаврюшиным списка: «...всяко можетъ числомъ описоватися. Едина же не описуется любовь, ниже числомъ изчитается. Нестъ бо мера доброте ея, неизмерима бездна, неизпытана глубина, несказанна высота, неведомо величество ея. Понеже любовь есть Богъ...»⁸¹.

Сходную мысль о непостижимости Божьего замысла выразил и Максим Грек в Предисловии к Житию Зосимы и Савватия Соловецких редакции 1503 г.: «Небеси убо высота неиспытана, земли же широта и долгота не осяжаема, морю же глубина неизмерима, свя-

80 Гаврюшин Н. К. «Поновление стихий» и древнерусская книжность // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Историко-философские очерки. Киев, 1988. С.209.

81 Там же. С. 210.

тых же чудеса неисчетна и недоумеваема...»⁸². В этих словах ученого иноземца нашли отражение не только его безграничная вера и опора в суждениях на Священное Писание⁸³, но и «ренессансное» ощущение безграничности и необъятности мира, известное его европейским современникам-первопроходцам. Одновременно легко заметна и твердая уверенность автора в том, что путешествие по бескрайним просторам земель и вод возможно *только* с безусловным упованием на милость Всевышнего. В XVI–XVII вв. такая вера в помощь Божью и заступничество соловецких чудотворцев будет одной из важных особенностей русских северных экспедиций.

Эта тонкая, но отчетливо видная в мореходной практике Русско-го Севера грань подразумевает возвышенное, духовное осмысление

82 Сочинения Максима Грека. Ч. 3. Казань, 1862. С. 218. *Минеева С. В.* Рукописная традиция... Т. 2. С. 344. Надо заметить, что именно такое, как у Максима Грека и автора трактата «О поновлении стихий», восприятие окружающего мира, природы стало доминирующим в русском традиционном обществе на протяжении многих веков и сохраняется до последнего времени. Любопытно привести цитату из воспоминаний А. Я. Привалихина (1918–1994), русского крестьянина, жителя деревни Чижиково Онежского района Архангельской области, написанных им в 1991–1992 гг.: «...на опушке леса на разные голоса пели птицы. Из-за леса взошло солнце. Подгоняемый незаметным потоком воздуха, вниз по реке плыл редкий туман. Собирая на своем великом пути десятки речек и ручейков, несла воды могучая река, отдавая их студеному морю. Я смотрел на эти явления природы и думал: *разве осмыслишь всю эту красоту?*... [курсив мой. – Т. М.]» (см.: История от первого лица: Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей / Сост., науч. ред. В. Н. Матонин. М.; Архангельск, 2011. С. 92). Не в этих ли идущих от сердца словах поморского мастера-лодочника, едва ли знакомого с русской средневековой книжностью, но столь созвучных ей, раскрывается трудноуловимая связь прошлого и настоящего, влияние давно минувшего на нынешнюю жизнь?

83 В приведенной цитате, равно как и в цитате из трактата «О поновлении стихий», заметна отсылка к одному из Новозаветных текстов. В Послании к ефесянам апостол Павел восклицает: «Да даст вам [Господь], по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею [курсив мой. – Т. М.]» (Ефес., 3: 16–19).

морских путешествий русскими людьми. Она ярко просматривается в поморской присказке: «Не по земле ходим, но по глубине морской»⁸⁴. В ней заметна апелляция к одному из сюжетов Евангелия, когда апостол Петр пошел за Христом во время бури на Генисаретском море «по воде аки по суху» (Мф., 14: 22–33). Как замечательно показал современный исследователь, само по себе арктическое морехождение с точки зрения религиозно-философской с течением времени стало в старой России одной из форм православной аскетике и духовного делания⁸⁵. Этот сокровенный опыт преодоления материальных и духовных преград, *границ*, когда непостижимым образом, силою Божьей, порой «побеждается естества чин»⁸⁶, был получен в ходе освоения поморами северного побережья Евразии.

На Русский Север в рассматриваемое время стремились не только монахи и крестьяне, но также бояре и купцы. О новгородском посаднике боярине Василии Степановиче Шенкурском известно, что он не просто владел землями по р. Ваге, но активно развивал этот край и даже переселился туда из Новгорода. В 1446 г. он построил в Важской земле Богословский монастырь и в старости принял постриг⁸⁷. В 1631 г. Василий Шенкурский был причислен к лику святых и известен с той поры в церковной традиции как прп. Варлаам Важский⁸⁸.

Итак, начавшаяся в конце XIV в. монашеская колонизация северных территорий и сопутствовавшая ей миссионерская деятельность русской Церкви в значительной степени обусловили постепенное усложнение «образа Севера» и северных народов. Северные области перестают восприниматься русскими как однозначно неприветливые, опасные для благочестивого христианина, хотя духовное и хозяйственное освоение края представлялось возможным только с Бо-

84 Шергин Б. Двинская земля // Шергин Б. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 19.

85 Матонин В. Н. Арктическое мореплавание как форма аскетике и духовного делания // «Река Кушерецка»: Мореходная книга XVIII века (историко-литературный контекст, материалы, исследования). Архангельск, 2011. С. 25–32.

86 Великий канон преподобного Андрея Критского с переводом на русский язык. М., 2007. С. 21, 45, 73, 94.

87 Булатов В. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997. С. 142–143.

88 Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. [Репринтное издание]. М., 1990. С. 43.

жьей помощью. С конца XV в. важную роль в процессе хозяйственного освоения Севера играют уже не экспедиции промышленников-ушкуйников, а целенаправленная государственная политика по освоению и присоединению этих областей.

Впрочем, вневременное ощущение страха перед северными регионами, обусловленное суровостью их климата, останется важной чертой восприятия этих краев даже в Новое время. Эти понятные чувства выразил академик К. М. Бэр, первым из натуралистов посетивший Новую Землю в 1837 г.: «Ужасная страна! – страшная уже тем, что здесь предел всепобеждающей человеческой силе...»⁸⁹.

* * *

Конец XIV – XV в. в Италии называют временем «открытия стран Северной Европы»⁹⁰. Итальянских путешественников обуяла страсть ко всему новому и неведомому⁹¹, они были «вдохновлены стремлением к новым знаниям»⁹².

К этому времени относятся первые известные факты пребывания итальянцев на севере Европы. Так, в ходе экспедиции 1380-х гг. венецианцев Антонио и Никколо Дзено были собраны сведения о Фарерских островах и Гренландии. На основании писем этих отважных мореходов, в которых фигурировали рассказы северных рыбаков об американском побережье, одним из их потомков было составлено описание той далекой земли⁹³. Во время экспедиции 1431 г. судно ве-

89 Цит. по: Максимов С. В. Год на Севере. М., 1987. Т. 2. С. 30.

90 *De Anna L. Conoscenza...* P. 324. Переломным временем в истории европейской картографии принято считать рубеж XIII–XIV вв. (см.: *Фоменко И. К.* Скифия – Тартария – Московия – Россия... С. 67.) Однако знаковые изменения той поры вовсе не свидетельствуют об изменении восприятия Севера.

91 *Cronia A. La conoscenza...* P. 80.

92 *De Anna L. Conoscenza...* P. 289.

93 Текст опубликован: *Ramusio G. B. Navigazioni e viaggi. Vol. 4.* По поводу экспедиции братьев Дзено в науке существуют различные споры, однако никто из ученых не сомневается в том, что подобная экспедиция к берегам Гренландии была предпринята в начале XV в. См.: *De Anna L. Conoscenza...* P. 291. *Major R. H. The voyages of the Venetian brothers Nicolò and Antonio Zeno to the Northern Seas in the XIV century. L., 1893; Lucas F. W. The Annals of the voyages of the brothers Nicolò and Antonio Zeno. L., 1898. Da Mosto A. I navigatori Nicolò and Antonio Zeno // Miscellanea Luzzio. Firenze, 1935.*

нецианца Пьетро Кверини, попав в страшный шторм, было отброшено волнами далеко на северо-восток и оказалось у неведомых до той поры Лофотенских островов. Пьетро Кверини со своими сподвижниками – Никколо Микеле и Кристофоро Фиораванти – не только собрал ряд новых сведений о севере Скандинавии⁹⁴, но и привез в Италию сушеную треску – *baccalà*, блюда из которой вскоре стали популярны во многих итальянских областях. Несомненно, этих путешественников интересовали северные страны, иначе бы они не составили их подробные описания. Но все же они оказались столь далеко исключительно по воле случая. Итальянцы не стремились планомерно осваивать суровые области Северной Европы.

Тем не менее, заслуживает внимания мысль П. Личини о том, что именно Полярная звезда, своего рода символ Севера, всегда служившая итальянским мореходам верным ориентиром в их стремлении достичь тихой пристани, ассоциировалась с образом Церкви, ведущей людей ко спасению⁹⁵, «в место злачное, место покойное, идеже лица святых веселятся». Так образ чудесной Полярной звезды в какой-то степени мог способствовать развитию интереса к достижению и освоению северных стран.

Попытки проникновения на Русский Север «фряги» начали предпринимать не позднее конца XIV в.⁹⁶ Известна грамота Дмитрия Донского, в которой он «пожаловал Печорою» Андрея Фрязина, «как было за его дядею за Матфеем за Фрязином»⁹⁷. Купцы из итальянских факторий Северного Причерноморья, колония которых известна в Москве с XIV в.⁹⁸, не понаслышке знали о несметных богатствах Русского Севера⁹⁹. Они не раз видели в Москве великолепных ловчих птиц, ценные меха, а также изделия из «рыбьего зуба», т.е. моржового клыка, и даже из «заморной кости», т.е. бивней мамонта. Конечно,

94 Текст о его путешествии опубликован: *Ramusio G. B. Navigazioni e viaggi. Vol. 4. Penessi G. Viaggio del magnifico messer Pietro Querini, gentiluomo vinitiano // Bollettino R. Soc. geografica italiana. 1885. P. 812–830.*

95 *Licini P. La Moscovia rappresentata... P. 29–30.*

96 Уже цитированное письмо 1320 г. «не может служить доказательством того, что генуэзцы были даже в Новгороде, но, по крайней мере, они знали, где он находится» (см.: *Lopez S. R. Nelle terre dell'Orda d'Oro... P. 467*).

97 ГВНП. № 87. С. 143.

98 *Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1902. С. 86–87; Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 80, 116.*

99 *Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М., 1935. С. 24.*

«фряжским» купцам хотелось как можно ближе подобраться к местам добычи этих редких, а потому особенно ценных как в Европе, так и в Азии товаров¹⁰⁰.

Получение возможности беспрепятственного доступа на Русский Север было для итальянских купцов важной частью торговой деятельности в русских княжествах в целом. Особый интерес именно к русским областям европейского Севера был обусловлен также и средневековой книжной традицией. По совокупности сведений о Севере, именно «Скифия [Речь идет о северных областях Восточной Европы и Европейской России. – Т. М.] оказывалась наиболее знакомой его частью»¹⁰¹.

Известия о Руси, полученные «фряжскими» купцами в результате общения с русскими, накладывались на книжную традицию и причудливым образом соединялись с ней. Итальянские купцы знали о некоторых особенностях ландшафта тех мест, что дало Б. А. Рыбакову основания полагать, что «скифская» часть карты Фра Мавро 1459 г. создана с использованием «фряжских» известий¹⁰². Тем не менее, «фряги» долгое время верили, например, в существование Рифейских гор, омываемых северным океаном. Однако они уже знали, что истоки «скифских» рек стоит искать не в этих горах, а на равнине¹⁰³. Посол императора Максимилиана Франческо да Колло, несмотря на известия Матвея Меховского, показавшего отсутствие гор на севере России, в 1519 г. посвятил значительную часть своего «Донесения» (впрочем, долгое время не публиковавшегося) доказательству того, что Рифейские горы все-таки существуют. В подтверждение он привел свидетельства некоего Угуина Базеровича, который поднимался

100 Об особом значении соколиной охоты при дворах русских князей см.: *Кутепов Н.* Великокняжеская и царская охота на Руси в X–XVI вв. СПб., 1951. О популярности соколиной охоты в Иране, Орде и др. странах Востока см.: *Фехнер М. В.* Торговля русского государства со странами Востока. М., 1952. Итальянские правители и знатные люди также не представляли себе досуга без этой забавы. См.: *Malaguzzi-Valeri F.* La corte do Lodovoco il Moro. La vita privata privaia e l'arte a Milano nella seconda metà del Quattrocento. Milano, 1913. P. 709–727.

101 *De Anna L.* Conoscenza... P. 295.

102 *Рыбаков Б. А.* Русские карты... С. 18. Заведующий отделом картографии библиотеки Св. Марка в Венеции Пьеро Фалькетта недавно опубликовал интересное исследование, посвященное этой карте. См.: *Falchetta P.* Fra Mauro's Map of the World. Venezia, 2006.

103 *Забугин И.* Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914. С. 79.

«до самой вершины» самой высокой «Югорской горы», находящейся в Рифейских горах¹⁰⁴. Впрочем, Альберт Кампенский уже не сомневается в отсутствии Рифейских гор: «...не могу надивиться бесстыдству наших географов, без зазрения совести рассказывающих невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах...»¹⁰⁵. Павел Йовий в заглавии своего сочинения пишет, что в нем «указывается заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время нигде не существуют»¹⁰⁶.

Римский гуманист Юлий Помпоний Лэт, посетивший Северное Причерноморье в 1470-х гг.¹⁰⁷, основываясь на рассказах купцов¹⁰⁸, составил представление о Севере Руси во многом сходное с «северными» известиями средневековых трактатов. Вместе с тем, в его «Скифских заметках» нашли отражение и сведения о промыслах и быте тех краев, несомненно полученные «фряжскими» купцами – информаторами Помпония – от русских людей. Он пишет, в частности, о «повозках без колес», которые на Руси называются «санями»¹⁰⁹, о «рыбьем зубе»¹¹⁰, использовании тюленьих шкур и мехов при изготовлении одежды¹¹¹. Конечно, у нас нет веских оснований полагать, что «фряги» имели в своем распоряжении северные «дорожники» с описаниями природы

104 Итальянец в России XVI в. ... С. 63; *Симич О.* Дипломатическая миссия... С. 17–18. Конечно, в данном случае речь шла об Урале. Однако да Колло замечает: «Гипербореи рождаются от утесов и скал Норвегии и Швеции и несутся в Северный Ледовитый Океан, следуя землею названного князя московского, частично в области Югра, которая простирается вплоть до Ледовитого океана и включает в себя одну и другую стороны гор Рифейских и Гиперборейских на том пространстве, которое они захватывают» (см.: Итальянец в России XVI в. ... С. 65.) Эти идеи заимствованы из античной традиции, для которой характерно размещение этих гор строго на севере, вдоль Океана. Кроме того, согласно мнению античных географов, в Рифейских горах берут начало все «скифские» реки. Эта мысль также присутствует у да Колло (Там же. С. 65).

105 Россия в первой половине XVI в. ... С. 105. О. Ф. Кудрявцев обратил внимание, что Альберт Кампенский имеет в виду вовсе не Матвея Меховского, а античных авторов (Там же. С.127, прим. 71).

106 Там же. С. 255.

107 См. подробно: *Забугин И.* Юлий Помпоний Лэт... С. 77–101.

108 *Алексеев М. П.* Сибирь... С. 57–58.

109 *Забугин И.* Юлий Помпоний Лэт... С. 84.

110 Там же. С. 92.

111 Там же. С. 84.

и быта, какой был, например, у Сигизмунда Герберштейна¹¹², однако они, несомненно, были неплохо осведомлены о многих реалиях тех мест.

Сподвижник Помпония, гуманист Филиппо Буонаккорси, прозванный за красноречие Каллимахом, также сообщал в Рим информацию о северных областях. Из сочинения дубровницкого интеллектуала начала XVII в. Мавро Урбино известно, что существовало письмо Каллимаха к папе Иннокентию VIII, в котором говорится: «Россияне, плавающие по северному морю, открыли около ста семи лет назад остров, дотоле неизвестный, обитаемый славянским народом и подверженный вечной стуже и морозу. Они назвали остров сей Филипоида, он превосходит величиною остров Крит и показывается на картах под именем Новая Земля»¹¹³. Конечно, эта несколько раз опосредованная информация может быть не совсем верной¹¹⁴, однако интерес Каллимаха, жившего много лет в Польше, к северным народам не вызывает сомнений.

Важной вехой в получении в Италии информации о Севере стало путешествие по Московской Руси болонского архитектора Аристотеля Фиораванти, создателя Успенского собора Московского кремля. Он посетил не только Владимир¹¹⁵, но и Русский Север. В сохранившемся письме миланскому герцогу Галеаццо-Марии Сфорца архитектор сообщил много интересных сведений о тех краях. Он написал о прекрасных кречетах, о пушном и морском звере, в изобилии водящемся на Севере¹¹⁶. Аристотель Фиораванти особенно подчеркивает доступность ценных мехов: «Если твоей светлости угодно получить прекрасных соболей и горностаев, живых или шкурами, я могу тебе их отослать, сколько ни пожелаешь...»¹¹⁷.

112 *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 365–377; *Рыбаков Б. А.* Русские карты... С. 78–79.

113 Цит. по: *Дьяконов М. А.* История экспедиций... С. 11.

114 Так, сомнительным представляется факт достижения Новой Земли в конце XV столетия.

115 ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 220.

116 *Gualandi M. A.* Fioravanti meccanico e ingegnere del XV secolo. Bologna, 1870; *Хрентович-Бутенев К. А.* Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора // *Старая Москва*. Вып. 1–2. 1912–1914. М., 1993. *Снегирев В. С.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935. *Cazzola P.* «Mastri frjazy» a Mosca sullo scorcio del XV secolo. Appendice. // *Arte Lombarda*, NS, Milano, 1976, 44/45.

117 *Хрентович-Бутенев К. А.* Аристотель Фиораванти... С. 30–31; *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Аристотель Фиораванти. М., 1985. С. 96.

Известия, переданные в письме Аристотеля Фиораванти, конечно, произвели впечатление на миланского герцога и его окружение. Галеаццо-Мария Сфорца отправил письмо Ивану III, в котором он просил разрешить миланским птицеловам, Бьянко из Кайо и Таддео из Феррары, прибывшим в Москву, посетить Русский Север¹¹⁸. Герцог в знак дружбы и подчеркивая свое расположение к Ивану III, прислал ему ценные подарки: куски парчи, расшитой золотом, а также красного шелка и черного дамаскина¹¹⁹. Миланский правитель отправил в Москву также письмо Аристотелю с выражением благодарности и признательности, а также дорогие подарки: сто дукатов – огромную по тем временам сумму! – и кусок какой-то дорогой ткани¹²⁰. Скорее всего, стараниями придворных гуманистов известия из письма Аристотеля Фиораванти распространились далеко за пределами Милана.

Так постепенно в итальянских землях книжные образы «холодного и мрачного Севера» вытеснялись новыми, полученными из живого общения и практики, главной чертой которых являлось положение о сказочных богатствах, которые легко там получить. Описание Севера в письме болонского архитектора предельно рационалистично и реалистично¹²¹, архитектор и словом не обмолвился о враждебности этой земли.

118 *Beltrami L. Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912. P. 79; Хрентович-Бутенев К. А. Аристотель Фиораванти... С. 47.* Нельзя сказать точно, добрались ли миланские птицеловы до своей цели. С одной стороны, Иван III осознавал, что допуск «чужаков» к этим богатствам не будет способствовать ни увеличению доходов государства, ни формированию на Западе представления о Руси как о мощной державе, ведущей самостоятельную внешнюю политику. С другой, известие из «Сообщения о России» Юрия Траханиота, в котором итальянские птицеловы упомянуты нейтрально («когда... герцог Галеаццо послал своего сокольничего Бьянко в области России... и передал ему несколько охотничьих соколов...»), дает некоторое основание предположить, что они все же ловили там птиц для герцога или, по крайней мере, отбирали их в Москве. Кроме того, из «Сообщения» ясно, что Бьянко сам привез Ивану III соколов от герцога. См.: *Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 652.*

119 *Хрентович-Бутенев К. А. Аристотель Фиораванти... С. 47.* См. подробно: *Barbieri G. Milano e Mosca nella politica di Rinascimento. Bari, 1957. P. 40.*

120 *Beltrami L. Vita di Aristotele da Bologna. P. 77.*

121 См. подробно: *Матасова Т. А. Русский Север и Италия в XV столетии // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 8. М., 2009. С. 110–111, 114.*

Те же особенности можно заметить и при передаче других северных известий в итальянских трактатах начала XVI в. Альберт Кампенский, Франческо да Колло, Павел Йовий, Рафаэль Барберини, Александр Гваньини и другие авторы достаточно подробно сообщают о северных диковинах, в первую очередь о разнообразных мехах и меде¹²². Да Колло с изумлением сообщает о том, что одежда, подбитая мехами куниц и барсуков, которая была у прославившихся ратными подвигами воинов, содержалась в специальных хранилищах, которые в Москве «занимают главную улицу, длиннее, чем от Риальто до Сан Марко»¹²³.

Многие авторы обращают внимание на то, что северные земли лишь недавно подчинились русскому правителю. Они особо отмечают и обращение некоторых из этих народов в веру Христову. Так, в первой половине 20-х гг. XVI в.¹²⁴ Альберт Кампенский пишет о «князе москов», что он покорил «пермяков и вогулов, скифские племена» и заставил их «исповедовать Христа»¹²⁵, – и ниже: он «провел свои победоносные войска почти на край Востока... покорив многие народы Скифии, а некоторые также принудив принять христианство»¹²⁶. Павел Йовий в 1525 г. также сообщает, что «с севера же власти московитов повинуются бесчисленные народы, которые простираются до Скифского океана на расстояние почти трехмесячного пути... жители Перми и Печоры незадолго до нашего времени по обычаю язычников приносили жертвы идолам, теперь же чтут Господа Христа»¹²⁷. Эти известия в общем повторяет анонимный автор Донесения о Московии середины XVI в., ошибочно отождествленный А. И. Тургеневым с Марко Фоскарино¹²⁸. Итак, несомненно, что иноземцы придавали

122 См.: Россия в первой половине XVI в.... С. 98, 103, 105, 112, 257, 264, 268–270; Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 17, 21, 25, 37, 45, 47–55; Алексеев М. П. Сибирь... С. 113–115, 128–131; Итальянец в России XVI в. ... С. 59–60, 62–63.

123 Итальянец в России XVI в. ... С. 61.

124 Согласно распространенному мнению, трактат Альберта Кампенского написан в 1523 или 1524 г., однако О. Ф. Кудрявцев показал, что текст «дает веские основания датировать его... также и 1525 г.». Ученый показал обоснованность предположения о датировке ранней редакции памятника 1523–1524 гг., а поздней, окончательной – 1525 г. См.: Россия в первой половине XVI в.... С. 66.

125 Россия в первой половине XVI в.... С. 103.

126 Там же. С. 112.

127 Там же. С. 269.

128 Огородников В. Донесение о Московии второй половины XVI века // ЧО-ИДР. 1913. Кн. 2. Отд. 3. С. IV, 12.

огромное значение присоединению северных земель к Московскому государству и освоению их русскими людьми.

Заметим здесь, что русская придворная аристократия также осознавала исключительную важность присоединения северных территорий, что нашло отражение в титуле великого князя. Как показал С. М. Каштанов, встречающаяся в грамотах середины XVI в. формула «всея Сибирския земли и Северные страны повелитель» восходит к концу XV в. Он полагает, что под «Северной землей» «имелись в виду земли, расположенные в бассейнах Белого, Баренцева и Карского морей»¹²⁹. Не менее важно и свидетельство Максима Грека, человека, близкого русской православной культуре, но навсегда «запрограммированного ренессансным Западом»¹³⁰. В одном из своих посланий к Василию III он именует великого князя «самодержцем всеа Русии и многих иных окиянскихъ языкъ господином»¹³¹, подчеркивая тем самым его власть над народами Крайнего Севера.

Как видим, и русские, и итальянские источники свидетельствуют о громадном значении, которое придавали люди той поры освоению арктических просторов.

Новые «северные» впечатления итальянская придворная знать получала и во время приема посольств к «фряжским» правителям от русского князя. Посланники от «Московита» привозили с собой богатые дары, состоявшие преимущественно из ловчих птиц, ценных мехов и изделий из «рыбьего зуба».

Так, посланник Ивана III в Милан и Рим Юрий Траханиот преподнес миланскому герцогу Джан-Галеаццо Сфорца в 1486 г. несколько соколов для охоты¹³², чему герцог был несказанно рад. По свидетельству современника, герцог был «не склонен думать об общественных делах. Он странствовал по окрестным владениям,

129 *Каштанов С. М.* Сибирский компонент в титулатуре Московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным памятникам. Новосибирск, 2006. С. 3–6. О спорах, связанных с этой формулой, см.: *Пчелов Е. В.* Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // РИ. 2010. № 1. С. 13.

130 *Шевченко И.* Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию С. П. Карпова. М., 2009. С. 482.

131 Сочинения Максима Грека. Ч. 2. С. 376.

132 *Barbieri G.* Milano e Mosca... Р. 90; *Гуковский М. А.* Сообщение о России Московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 652.

развлекаясь соколиной и псовой охотой...»¹³³. Среди даров, которые в 1488 г. Дмитрий и Мануил Ралевы преподнесли венецианскому дожу Агостино Барбариго, были трое сороков соболей¹³⁴. С посольством 1493 г., которым руководили Мануил Ангелов и Данило Мамырев, Иван III прислал в дар миланскому герцогу Лодовико Моро белого кречета, пять сороков соболей, татарскую саблю, резную пластину и «рыбий зуб длиною в локоть и похожий на слоновую кость»¹³⁵.

Обратим внимание на одну лексическую особенность этого сообщения. Моржовый клык назван здесь «*dente di pesce*» – дословно «рыбий зуб». Здесь имеет место прямой перевод русского названия на итальянский язык. Вероятно, итальянцы узнали о существовании моржей – «животных такой породы, что убегают к морю Океану и прячутся там под водой от страха и 10 и 20 дней живут там, подобно рыбам»¹³⁶ – от Аристотеля Фиораванти и Юлия Помпония Лэта, и только благодаря щедрым дарам Ивана III они увидели, как выглядят клыки этих животных. Известно также, что итальянское слово «*zibellino*» – «sobоль» – заимствовано из русского¹³⁷.

Посланники Ивана III Мануил Ралев и Митрофан Карачаров, посетившие Венецию на рубеже XV–XVI столетий, привезли, по свидетельству сенатора Марино Сануто, в подарок Синьории несколько связок (сороков?) соболей («*4 mazi di zibellini, a numero... per mazo*»), а также «*osso di pesce*» – «рыбную кость» (вероятно, имелся в виду «рыбий зуб»). Известно также, что они доставили много северных товаров на продажу, среди которых были и «белые заячьи меха» («*lievri*

133 Цит. по: Коллинсон-Морлей Л. История династии Сфорца. СПб., 2005. С. 160.

134 *Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate et abbreviate dal senatore Francesco Longo. Con prefazione e annotazione di Agostino Sagredo // Archivio Storico Italiano. Vol. 7, 1. Firenze, 1843. P. 310. Рус. пер. см.: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия, Византия в средневековье. СПб., 2000. С. 282. (Прил. 4).*

135 «*Uno girifalco bianco, cinque mazzi di zibellini di XL per mazzo, una scimitarra et uno arco fornito, et uno dente di pesce che e lungo circa uno braccio, che pare d'avorio*». См.: Макушев В. Флорентийский государственный архив и хранящиеся в нем материалы для славянской истории. СПб., 1870. С. 5.

136 Земцов С. М., Глазычев В. Л. Аристотель Фьораванти. С. 96.

137 *Devoto G., Oli G.-C. Vocabolario illustrato della lingua italiana. Vol. II. M-Z. Milano, 1967. P. 1573. Dizionario Garzanti della lingua italiana / Diretta da G. Cusatelli. Milano, 1972. P. 1984.*

bianci»), и костяные ножи и ножи из «рыбьего зуба» («cortelli con manego di ossi di pesse»), а также множество связок шкурок белок, соболей и горностаев¹³⁸.

В этом известии интересно обратить внимание на упоминание «белых заячьих мехов». Заячий мех был очень популярен в Европе, однако он не считался особенно ценным, поэтому вряд ли его продажа приносила бы большие прибыли. Возможно, в данном случае речь идет о тюленях – «морских зайцах», как их называют русские источники этого времени¹³⁹. Мех маленьких тюленей в возрасте до года, так называемых бельков, действительно очень ценен. Никто, кроме Аристотеля Фиораванти¹⁴⁰, не упоминает заячий мех в ряду ценных мехов, которыми богат Русский Север. Да Колло говорит о зайцах только как о дичи, ставя их в одном ряду с дикими петухами, куропатками, фазанами, журавлями, лебедями и дикими утками¹⁴¹. Кроме того, Сануто мог действительно представить себе каких-то особенных «белых зайцев», которых промышляют на севере России¹⁴², тогда как «один из послов, говоривший по-латыни»¹⁴³, мог иметь в виду «морских зайцев»-тюленей.

Северо-восточные земли особенно стали привлекать итальянцев после предположения «толмача» Дмитрия Герасимова о северном пути в Китай. Это нашло свое отражение в сочинении Павла Йовия, а также в «Рассуждении о специях» Дж. Б. Рамузио. Этот поистине ренессансный проект¹⁴⁴ не мог не вызвать интереса у «фрягов», поскольку возвращение своего влияния в деле торгового посредничества между Востоком и Западом к началу XVI в. стало насущной задачей многих итальянских государств. Псевдо-Фоскарино в связи с этим пишет в предисловии к своему сочине-

138 *Sanuto M. I Diarii. Vol. 3. Venezia, 1880. Col. 61, 89.*

139 Например, в Описи Карельского Никольского монастыря 1551 г. присутствует упоминание о «вожжах заечьих». См.: АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 284.

140 *Земцов С. М., Глазычев В. Л. Аристотель Фьораванти. С. 96.*

141 Итальянец в России XVI в. ... С. 61

142 Так, распространенное в начале XVI в. мнение о цвете северных животных выразил Иоганн Фабри, тоже итальянец по происхождению: «причиной сего мог стать чрезвычайный северный холод, всегда порождающий белизну, как учит философия...» (см.: Россия в первой половине XVI в. ... С. 180). Эта мысль присутствует еще у Аристотеля Фиораванти («ибо и медведи, и зайцы рождаются [здесь] белыми как горностаи...», см.: *Земцов С. М., Глазычев В. Л. Аристотель Фьораванти. С. 96.*)

143 *Sanuto M. I Diarii. Vol. 3. Col. 61, 244.*

144 *Рыбаков Б. А. Русские карты... С. 70–79.*

нию: «Я... присоединю сюда краткое рассуждение о том, как, на зло испанцам и португальцам, вернуть торговлю пряностями в руки итальянцев...»¹⁴⁵. В «Рассуждении о торговле пряностями» Дж. Б. Рамузио также подчеркивает значение северо-восточного пути в Китай, предложенного Дмитрием Герасимовым. По свидетельству гуманиста, чуть ли не вся Северная Европа стремится завладеть этим путем: этого желают и Любек, и Польша, «но более всего Московский князь, у которого возможностей достичь этого больше чем у всех остальных правителей»¹⁴⁶.

В «северных» известиях середины XVI в. иногда еще встречаются некоторые фантастические подробности, заимствованные у Сигизмунда Герберштейна или из других источников. Так, Псевдо-Фоскарино сообщает, что «у океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который большую часть времени проводит в воде и питается исключительно сырой рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею и, вместо членораздельной речи, издают какой-то свист. Одного из них я сам видел в Нормандии, как, впрочем, видели и многие другие... Он всех удивил и поразил. Кажется, он был так молод: лет двадцати, ростом 20 футов, весь в волосах, большие и красные глаза. Он наводил страх и ужас на тех, кто на него пристально смотрел. В конце концов, в нем было больше звериного, чем человеческого»¹⁴⁷. Алессандро Гваньини также передает известия Сигизмунда Герберштейна о «дивных людях»¹⁴⁸, сохраняя, однако, иронию австрийца: «о некоторых народах Лукоморья рассказывают нечто чудесное и неправдоподобное, якобы они ежегодно 27 ноября, как пиявки и лягушки, умирают от сильного мороза, сопровождаемого туманом. Когда затем приходит день 24 апреля, они, говорят, опять оживают...»¹⁴⁹. Подобные сюжеты и образы, несмотря на осознание их легендарности, прочно укоренились в сознании итальянских обывателей на долгое время. Это замечательно выразил классик, вложив в уста одного из своих героев «шаблонное» мнение о

145 Огородников В. Донесение о Московии... С. 1.

146 «E cominciò a dire che la città di Lubecco ... e anco il serenissimo re di Polonia... sariano atti a far questo scoprimento [la via nordica in Oriente. – Т. М.], ma soprattutto il duca di Moscovia averia comodità e facilità di ciascun altro principe». См.: *Ramusio G. B. Navigazioni e viaggi / A cura di M. Milanese. Torino, 1979. Vol. 2. P. 982.*

147 Огородников В. Донесение о Московии... С. 19–20.

148 См.: *Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 370–371.*

149 *Алексеев М. П. Сибирь... С. 131.*

Московии, в которой якобы «бывают такие морозы, от которых может лопнуть мозг человеческий»¹⁵⁰.

И все же в сознании итальянцев северные земли с их сокровищами перестают быть какими-то бесконечно далекими областями, населенными неведомыми народами, владеющими несметными богатствами. Мифологические сведения о Севере, еще присутствующие иногда у итальянских авторов, воспринимаются ими уже в рационалистическом ренессансном духе, как «диковина», достойная изучения, а не как свидетельство «нечистоты» этой земли. Северные области теперь подчинены московскому князю. Христианская Московия же давно была включена в хорошо известное итальянцам пространство мировых торговых путей.

* * *

Итак, на рубеже XIV–XV вв. и в Италии, и на Руси можно заметить существенное усложнение «образа Севера», что проявилось в постепенном отходе от книжной традиции восприятия этой загадочной территории. Эта традиция подразумевала фрагментарные и довольно абстрактные «образы Севера». С конца XIV в. представления о Северной Европе становятся все более определенными, ассоциирующимися с вполне конкретными реалиями, все более возрастает интерес к этим землям. Источники позволяют заключить, что и на Руси, и в Италии осознавалось огромное значение «открытия» и освоения северных пространств.

Участившиеся итало-русские контакты сделали возможным существенное обогащение представлений о Севере «во Фрязах» новыми сведениями, основанными на рассказах очевидцев или даже на непосредственных впечатлениях самих итальянцев. Северные товары все активнее проникали в обиход знати, а гуманисты, охваченные стремлением разгадать все тайны мира, сравнивая известия античных авторов и современных им путешественников, приходили к выводу, что древние авторы не всегда точны. Стремление к рациональному объяснению действительности, характерное для эпохи Ренессанса, нашло яркое отражение в «северных» известиях итальянских авторов. Благодаря частым «московским» посольствам в Италию Русский Север становился там немного ближе и понятнее¹⁵¹. Если бы Север продолжал

150 Гоголь Н. В. Рим // Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений в 5 т. М., 1952. Т.3. С. 269.

151 См. об этом также: Матасова Т. А. Кречеты для миланского герцога, или

считаться опасной для души территорий, едва ли «фряги» стремились бы туда проникнуть или узнать в подробностях об экономических выгодах освоения тех краев.

На Руси, как и в Италии, мощным двигателем проникновения на Север был государственный интерес: Иван III и Василий III осознали огромные стратегические возможности природных ресурсов тех земель, а итальянские владыки и негоданты стремились получить там ценные товары. Западное, в первую очередь итальянское влияние подталкивало русских образованных людей к размышлениям на «ренессансные» темы о границах мира, пространства и человеческого познания. В этой обстановке появились «северный» проект Дмитрия Герасимова и переводы первой книги «Географии» Помпония Мелы¹⁵², «Письма Максимилиана Трансильвана о Молукитцких островах...»¹⁵³ и другие источники.

Тем не менее, можно заметить и различия в итальянском и русском «образах Севера». Освоение тех мест представлялось русским людям возможным только с безусловной надеждой на милость Всевышнего. Кроме того, для русских людей Север был поприщем для духовного подвига – монашеского «безмолвия» и миссионерского самопожертвования. Эта мотивация была совершенно чужда представителям итальянской ренессансной культуры, в центре которой был не Бог, а человек. Даже идеологи папской политики на Востоке стремились в первую очередь привлечь «Московита» к антитурецкой борьбе, а не просветить северных язычников.

Приведенные факты, связанные с переосмыслением «образа Севера» в двух культурах, иллюстрируют глубокие сдвиги в понимании окружающего пространства и в России, и в Италии. Осознание новых граней «образа Севера» происходило в обеих культурах через оценку новых фактов, полученных из русской промысловой практики. Итальянцами эти новые данные о Севере трактовались в русле ренессанс-

что дарили русские князья итальянским правителям в XV веке? // Родина. 2011. № 12. С. 64–66.

152 Перевод первой книги «Космографии» Помпония Мелы появляется не позднее середины XVI в. Перевод не издан. Список XVI в. хранится в РГАДА. Ф. 181 (РС МГАМИД). Оп. 1. № 514. Л. 10об.–40об. Известен также список XVII в.: ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 347. Л. 1об.–16. Предполагаю осуществить издание этого интереснейшего памятника.

153 Казакова Н. А., Катюшкина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968.

ной традиции: «образ Севера» почти полностью утратил мистические черты. Русский образ северных просторов переосмыслился независимо от исканий итальянских интеллектуалов и сохранил эти черты в большей степени.

Таким образом, рассмотрение похожих процессов «стремления на Север» двух культур обнаруживает не только черты внешнего сходства, но и существенные различия русского и итальянского общества.